

У маленького окна дальней комнаты в среднем ящике комода несколько лет покоилась ситцевая рубашка на смерть. Марфа Васильевна приобрела ее в одну из редких поездок в город, в лавочке у рукодельницы, недалеко от вокзала, напротив магазина ритуальных услуг. То ли черная глянцева вывеска навевала ей грустные мысли о конечности земного бытия, то ли встревожило пожилое сердце полуденное видение в озабоченной толпе. Так или иначе, но, шагая было целеустремленно к остановке пригородных автобусов, вздрогнула она и ринулась на противоположную сторону улицы.

В лавочке с тусклым освещением мирились стопочки носовых платков, косынок и поясков. Все предлагаемое желанному вниманию покупателя располагалось на длинном столе, служившем витриной и прилавком. Вдоль стены, за спиной у улыбчивой женщины, хозяйки закутка, неровными рядами были развешаны белые рубахи, которые на первый взгляд отличались одна от другой только размером. Но, если хорошо приглядеться, можно было обнаружить также и разницу в оформлении и деталях. Вот, например, рубашка, украшенная манжетами и сборочкой у горловины, вот еще — с рукавами в три четверти и мелкой тесемкой от плеча до подола, а эта — совсем простая, как распашонка, и обметана оверлоком, только и всего. И еще много разных: и льняные, и бязевые, и ситцевые; короткие и длинные, с рукавами и без.

— Ну-ка, ну-ка! — прищурилась и обомлела Марфа Васильевна, словно вырвалась от чего-то неведомо тягостного. — А, ну-ка, ну-ка. Что есть-то? Что есть?

— Да все, все есть, милая моя! Все, что нужно! — расплылась продавщица.

Марфа Васильевна, казалось, не обратила внимания на эти слова, так увлеклась рассматриванием незамысловатой одежды.

— Это у вас почему? — спросила она, наконец, указывая пальцем на стену.

— Эта вот пятьсот, — подхватила продавщица, трогая за подол ту, что с тесемкой от плеча до подола, — а эта шестьсот пятьдесят, с манжетиками, — а эта, — как-то особенно торжественно произнесла она и погладила сорочку с ажурным верхом, — тысяча двести!

Гостя поморщилась и закачала головой.

— Ну-у-у, — не смутилась хозяйка, бегло оглядев пожилую женщину, — есть и бюджетные варианты. Триста рублей эта, — ткнула она пальцем в распашонку, — и, получше, с завязочками, типа такой же, за триста пятьдесят. Могу уступить чуток. А вообще, — ласково выписала она рукой полукруг в воздухе, — все, все они хорошие! Могу поручиться, никто не жаловался!

Марфа Васильевна достала кошелек и, наклонив к свету, внимательно пересчитала его содержимое. Задрала голову, что-то обдумывая и бормоча, а затем снова уткнулась в кошелек. Когда же она обратила свой взор на продавщицу за прилавком, то обнаружила ее в прежней встречающей позе. Будто актриса или певица на сцене перед зрителями застыла та и затаила дыхание, готовясь излить из себя сольную песню или монолог.

— А за четыреста тридцать у вас ничего нет?

— Есть! — расплылась продавщица. — Конечно, есть! Вот! Как раз ваш размер. — И она выдернула из-за рубахи, представленной миру лицом, другую, из ситца и с длинными широкими рукавами, раскинула ее на столе. От неглубокой горловины изделия до груди шла прорезь с тремя мелкими петельками с одной и столькими же пуговичками с другой стороны; на сантиметр от края была пришита тоненькая, незамысловатого узора, тесемка, такая же тянулась по краю рукавов. — Вот, очень хорошая. Но она четыреста восемьдесят. К сожалению. Поищите, может, найдете? Всего полтинничек разница. Хотите, примерьте, я дверь подержу.

Марфа Васильевна оглянулась на дверь, та была на треть приоткрыта, и в зазоре виднелись вывеска и часть окна ритуального магазина. Она вздрогнула и принялась хмуро, в третий раз уже, пересчитывать кровные.

– Да вот, видите, только четыреста пятьдесят и наскребу с мелочью, да на дорогу ровно, и все.

– Эх, ну что будешь с вами делать, – вздохнула продавщица, – давайте, давайте сколько есть. Сделаю вам скидку. Исключительно вам. Потому что вы мне понравились. А рубашечка, и правда, очень, очень хорошая. И с тесемкой. Совсем за копейки.

Марфа Васильевна вздохнула, и, пока щедрая хозяйка считала высыпанные перед ней монеты и скрученные бумажки, глядела и щупала обнову, желая проникнуться ее теплом, а может быть, опасаясь дефектов.

Продавщица закончила с деньгами и в два движения сложила рубаху как положено.

– Пакетик нужен? Четыре рубля. Маечка – рубль.

– Да что вы, что вы, даже и рубля... я ж говорю, на дорогу тика в тик.

– Ну, в сумку возьмите, – хозяйка глянула из-за прилавка на сумку Марфы Васильевны, доверху заполненную продуктами, – Ай-яй-яй! – закачала она головой, – да что ж такое сегодня с вами! – И, видно сообразив что-то, полезла в стол, зашуршала. Через несколько мгновений на столе лежал цветной газетный разворот.

– Ой, спасибо, а она не покрасит?

– Не волнуйтесь. Не будете сильно прижимать – не покрасит! – и ловко завернула в газету только что проданную вещь.

Простое лицо Марфы Васильевны просветлело. Она прижала сверточек к груди и вынырнула на смоченную дождем улицу. «Ритуальные услуги» еще раз подмигнули пожилой женщине и остались позади.

Пока она скрывалась в лавочке, вмиг набежал и так же вмиг прекратился дождь. «Пыль прибило!» – получилось вслух у Марфы Васильевны. Она вздохнула глубоко, и отчего-то облегченно.

Всю дорогу до автовокзала, а потом и в автобусе, она держала газетный сверток у сердца. И не было мыслей в голове все

это время, и волнение сменилось неясным, но обнадеживающим чувством — а чего, бог знает.

Сегодня около полудня в людской толпе, в глубине зала ожидания, заметила она лицо своего покойного мужа Николая. Он выглядывал из-за плечей и голов, искал кого-то глазами, возможно и ее, Марфу Васильевну. Но убедиться в этом она не успела. Марфа Васильевна была столь напугана своим внезапным видением, что совсем как в детстве при виде крови зажмурилась и съехала, и казалось, сжалась в комок. А когда усилием воли заставила себя открыть глаза и обратить взор к привидению мужа, то, увы, не смогла отыскать его больше в галерее лиц.

И неизвестно что было легче, а что тяжелее — увидеть призрак два года как почившего супруга или лишиться этого видения. Поэтому долго еще стояла она будто вкопанная у стеночки автовокзала, бессмысленно уставившись в людскую толпу.

Все утро мучила ее тоска; как заколдованная, перебирала она ногами заученные наизусть городские закоулки. И, закупив все необходимое, не вдумываясь, не рассчитывая, а автоматически, вернулась к месту исхода и назначения — большому зданию, окруженному толчеей. Но прежде, напуганная выросшими перед ней «Ритуальными услугами» (словно в подтверждение собственных дум), угасла и возродилась как будто в маленькой лавочке напротив.

Но все же, не отставала от нее мысль о возможной скорой и неминуемой смерти.

В доме было мрачно и сыро, так дождливое лето обволакивает деревенский уют влагой, раздувает его, как деревянную плашку. Марфа Васильевна, не разуваясь, прошла в дальнюю необитаемую комнату, зажгла свет и, вынув из свертка рубашку, разложила ее на кровати, значившейся когда-то супружеской. Сама присела рядом, долго гладила ее рукой, водила сморщенными пальцами по горловине и рукавам, вычерчивала ее контур, вырисовывала тесемочки, а после свернула аккуратно и спрятала в комод под стопкой белья. Из комода веяло прелым.

Не сказать, чтобы Марфа Васильевна любила мужа какой-то

особой любовью. «Страсти-мордасти», по ее собственному определению, обошли ее стороной, и «охи и вздохи» тем паче. Сначала любовь была сродни целомудренной покорности судьбе, а со временем стала подобна материнской, с огоньком постоянной тревоги у груди. К тому же с возрастом супруг Марфы Васильевны сделался «тихомольным гулякой» и «бумажным тигром». А может, и был таким всегда. Ну да, как известно – неразумное дитя ближе к матери.

Умер муж Марфы Васильевны быстро и тихо. Уснул в обеденный час и не проснулся больше – всем бы такую смерть! Оплакала и зажила снова, с новой заботой и волей. Но ни разу, ни за предыдущий, ни за длящийся год, не приснился Марфе Васильевне покойный. А тут – видение.

Вопреки решительной убежденности женщины, смерть ее в ближайшие дни после явления под мраморным сводом автовокзала не навестила. Не пришла она и после. Зато прибился к Марфе Васильевне несколько месяцев спустя мужичок Василий. Маленький, тощий, как мальчик, как сморщенный грибок на тоненькой ножке. «Лубоф» у него, говорил, «как в фильме, внезапная и жгучая». Марфа Васильевна сначала все смеялась, выпроваживала полотенцем, а потом оставила. Мол, что такого, вдвоем веселее, и имя у него хорошее, отцовское.

Два года Василий жил смирно, а на третий распоясался. То ли по причине подкравшейся старости, то ли из-за двадцатилетнего алкогольного прошлого с пятистопной передышкой по слабости организма. Но от забот Марфы Васильевны слабость испарилась, организм окреп, и Василий с прежней молодецкой силой взялся за спасение мира от зеленого змия, приняв удар на себя. Впрочем, так шутили соседи, Марфе Васильевне было не до смеха.

Первое, что сделал Василий, когда истлел его обет трезвости ума, так это очистил закрома сожительницы от всего спиртосодержащего. А там водились и «винишко» и «самогончик».

Так уж повелось у Марфы Васильевны со времен здравствования супруга ее Николая, что в доме всегда были крепкие напитки собственного производства. Не из порока это приесте-

кало, а из особой культуры деревенского быта. И деда Марфины «гнали» да «настаивали», и родители ее, и сама она научилась хитрому ремеслу, как время подошло.

Выгонкой занимался Николай, сюда Марфа Васильевна не вмешивалась, у него и аппарат был упрятан на летней кухне. Сама специализировалась на вишневке. Не больно затратно, и всегда есть чем угостить, а уж гостей супругник любил и потчевал по всем правилам русского гостеприимства. «Никакого магазинного! Только свое, только свое!» – приговаривала Марфа в былое время, ставя бутылочку на стол. А муж Николай с важностью в голосе добавлял: «Экологически чистый продукт!»

Время то ушло, а привычки ведения хозяйства остались. Как не стало Николая, самогона своего не стало тоже. Последний был выпит на поминки мужа. Тогда еще, помнилось, выпила она залпом полстакана (а прежде не жаловала крепких напитков), да и не смогла сдержаться – разрыдалась при всех. Да так страшно разрыдалась – в голос, с воем.

Теперь нет-нет прикупала Марфа Васильевна самогона у соседки – за работу с наемными мужичками расплатиться. Жизнь в своем доме такова, что требует постоянных трудов и вложений, и всегда нужна мужская рука.

А над вишневкой Марфа Васильевна по-прежнему колдовала. За работу ей не рассчитывалась – напиток легкий, «женский». Так, если праздник какой, или дети приедут погостить, или соседка забредет.

На эти-то запасы и покусился источник жгучей и сильной любви Василий.

Не сразу подверг разорению Василий «вишневошную полку» в подполье любимой, а вытаскал постепенно, заменяя пыльные бутылки с продуктом такими же, но наполненными водой из колонки. Этот маневр и вывел прониру на чистую воду.

Не ожидал Василий, что случится Марфе Васильевне спуститься в подпол самой – эту работу он в первую очередь взял на себя («Вот еще, бабушке по лесенкам козлом скакать!»), и исправно выполнял ее все три года сожительства. Марфа Васи-

льевна только командовала сверху, куда и что следует ставить и сыпать. Поэтому манипуляции с бутылками и не были рассекречены довольно долго. Даже если и застала бы супруга Василия орудующим в подполье, всегда можно было объяснить это внеплановой уборкой подсобных мест. Но она не застала, избавив тем самым Василия от лишнего вранья и объяснений, и Василий «делал свое дело и гулял смело». И, пожалуй, Марфе Васильевне не удалось бы сберечь ни одного сосуда с вишнежкой, если бы однажды супруг не перебрал с выпивкой и не уснул крепким сном здесь же, недалеко от входа в подпол — в кухне под столом.

Тогда в душу к Марфе Васильевне закралось подозрение о «вишневошных делах» сожителя, раньше она объясняла его снятие с тормозов порочной дружбой с соседом. Она отворила дверцу подполья и посветила фонарем — на средней правой полке одна к одной выстраивался бутылочный патронташ. Следует пересчитать, конечно, подумала Марфа Васильевна, но на глаз все сходилось, а спускаться вниз охоты не было — ноги уже не те, и мыши там не исключены. На том успокоилась, но неделю спустя случай повторился.

Василий опять почивал на кухонном полу, дыша тяжело и зловонно, а из подпола необходимо было срочно достать картошки. Плюнув и выругавшись в сторону наглеца, она вооружилась фонарем и ведром, надела галоши и осторожно спустилась вниз. И, когда ведро доверху наполнилось уже землистыми клубешками, а женщина готова была начать подъем к свету божьему, что-то заставило ее обраться к винной полке.

В свете фонаря тогда, неделю назад, бутылки не вызвали никаких недоумений у Марфы Васильевны, а теперь при ближайшем рассмотрении, картина выглядела совсем иначе. Точно темные и светлые клавиши музыкального инструмента составляли близко освещенные бутылки. Казалось, ударишь по ним большой невидимой рукой, и заиграет музыкой подполье на весь дом, а то и двор!

Марфа Васильевна отстранилась сначала от неожиданности, чуть не уронив ведро с картофелем, а потом, скорее машинально,

тронула пальцем одну из бутылок, что посветлее. На фоне белой известково-пылевой пудры образовался мазок цвета обычного бутылочного стекла, точь-в-точь такого, как у рядом стоявшего сосуда. Марфа Васильевна мазнула еще и еще по разным бутылкам и почувствовала, как вздымается в ней большое и неоднозначное чувство: и радость, и гнев, и обида, и еще что-то, похожее на жалость и сострадание. «Поганец!» — вырвалось из нее.

Марфа Васильевна пересчитала темные и светлые бутылки и поднялась в кухню, захватив с собой по одной. В пыльном сосуде, как и предполагалось, оказалась вишневка, в чистом — обыкновенная вода.

Рассекреченный Василий делал умильные физиономии, извинялся, а то и принимался рыдать, подскуливая одно и то же: «Ты же моя любимая, ты же моя женщина, я же без тебя пропаду». Марфа Васильевна ругала его паразитом и хитрецом и тоже плакала.

С тех пор отношения у них разладились, но Василий не желал Марфу Васильевну оставлять. А она не решалась прогнать забудыгу. Что-то открылось для нее в нем маленькое, тщедушное, требующее тихой жалости и смирения. Но вместе с тем и отвращение закралось в ее чувства, подспудным подселенцем зажило в ней. Марфа Васильевна, женщина хоть и простая, но нравственная и сильная духом, невзирая на все последующие от Василия безобразия, даже ругая его, ни разу не обмолвилась о новом своем чувстве, о том, что он мерзок и жалок ей. Тяжело правдой мучить, полагала она.

Василий же даже расхорохорился после Марфиного обличительного разговора. Будто отпустил удила, и черти заскакали, понесли его душу пуще прежнего. Закуражился муженек.

Заветные бутылки опустошил, не совестясь и не стесняясь, просто спустился в подпол, загреб в охапку, да и выхлебал, не поделившись ни с соседом, ни с завтрашним днем.

«А ну, бабка, иди сюда, родимая, поиграем с тобой в лубоф!» — кричал как-то Василий, вытирая рукавом лоснящийся от сального куса рот, стучал по колену тощей ручонкой.

Марфа Васильевна, молча, плеснула ему прямо в рожу воды из ковша, остудила пыл.

Она все больше молчала, перебралась в дальнюю комнату с комодом и кроватью, где обитали они когда-то с супругом, а Василию с самого начала не заспалось. Он и прежде эту комнату не любил, даже как будто боялся, а теперь и вовсе возненавидел. Рычал на нее, материл.

И о любви заговорил так же – матерно.

– Гони его в шею, стервеца! – увещевала соседка Люба визгливо и громко, потрясая в воздухе кулачком. – Он же тебе уже всю душу вынул, оглогот! Он же тебя в могилу заведет!

– Да туда моя и дорога, – апатично отвечала Марфа Васильевна, – я себе уж давно рубашку на смерть прикупила, и скопила на книжке, чуть что.

– Да господь с тобой! Ты вон еще молодая, здоровая! – бодро засучила короткими ручками соседка.

– Скажешь тоже! – засмеялась Марфа Васильевна. – На седьмом-то десятке. Скоро, скоро, подруга...

– Я те дам – скоро! А этот хмырь болотный, гляди, до белой горячки допьется, а что если парализует его? Горшки еще за ним возить будешь?! А с тобой что, не дай бог? А?! Он так-то на твоей шее живет!

– Да типун тебе на язык.

– А чего ж? Терпишь-то? Жалко?

– Да двоится во мне. И жалко и нет, – замолчала, задумалась. – А ты знаешь, Люб, мне Николай совсем не снится.

Соседка свела брови, закачала головой.

Дома Марфа Васильевна прокралась тихонько в свою комнату, чтобы не нарушить дрему Василия за кухонным столом. В последнее время она все чаще вспоминала свою нарочно неодеванную рубашку. Не касалась ее уже давно. Никому о ней не говорила, вот только Любе и сказала теперь. «Не спрела ли в комод? – задалась Марфа Васильевна вопросом. – Не почикала ее моль?»

Рубашка от времени чуть пожелтела. От нее пахло лекар-

ствами, травами и залежалым. Марфа Васильевна развернула ее рукава, оглядела обретенные тканью сгибы. «Отпарить бы!» – вздохнула она, и принялась руками разглаживать рубашку.

– А че это вы тут делаете? А? – показался в щели между дверью и косяком вострый нос супружника.

Марфа Васильевна сначала испугалась неожиданного появления Василия, даже вздрогнула, но потом выдохнула:

– Чего-то. Вас не спросили!

И добавила хмуро:

– Опять крадешься, как змей. – Никак не могла она привыкнуть к этой Василия особенности.

– Хи-хи-хи, – закривлялся Василий.

Тогда Марфа одарила его таким суровым взглядом, что тот вмиг осунулся и охолодился. Он зашаркал носками по полу, как делают, когда вытирают ноги о коврик перед тем, как войти в дом, и нетвердым шагом проследовал к Марфе Васильевне на кровать. При этом он чуть не уселся на распластанную на покрывале рубашку, женщина чудом успела выдернуть подол из-под опускающегося тощего его зада.

– Жуткий ты человек, Вася, – обронила Марфа Васильевна неожиданно для себя самой и передернула плечами.

Василий застыл серым своим лицом – как судорогой его свело, потом сквасился и потер переносицу. А после оскалился, оголив зубы-гнилушки.

– Зато влюбленный в тебя явно и на всю оставшуюся жись! – затряс он плечами. – Послушай, бабушка, родная ты моя, мое сердечко, ведь там у меня лубоф! – Василий застучал ладошкой по птичьей грудной клетке. – Влюбленный я человек! – и приготовился зарыдать.

– Альфонс ты престарелый, вот ты кто! – сорвалось у Марфы.

Василий вмиг передумал плакать, услышав модное и постыдное слово из уст возлюбленной.

– Значить так ты меня, значить так за всю мою лубоф! На! На! Бей меня, терзай мою душу! – принялся реветь и раздирать

на груди сорочку. — Плюй в меня или лучше убей. А я и сам повешусь пойду, в баню пойду и повешусь! Незачем мне жить.

Марфа Васильевна отвернулась к окну, молчала, только покачивала седой головой. К груди она прижимала рубашку из комода. Прорывавшись, Василий вытер глаза и нос рукавом, и вперился в жену.

— Чего потухла? — злобно зашипел он. — Молчишь? Ну и молчи! Выжить меня хочешь? Чего там у тебя такое? — и хотел рвануть рубашку из ее рук, но женщина успела подставить плечо, и Василий больно дернул ее за рукав кофты.

— Уйди ты ради бога истинного! — застонала Марфа Васильевна. — Иди, пропись.

— Нет, не уйду, пока не покажешь, что там у тебя!

— Ну что, что тебе надо? Рубашка у меня. Рубашка!

— Ах, там рубашка у нее! Рубашка, значить. Значить я к ней с любовью, а она блузочки распокупает! Модница она, молодушка! Меня значить вон, к едрене фене, а сама по полюбовникам в рубашечках! К хახелям наряжаться!

Марфа Васильевна побелела.

— Да что ты такое говоришь?! Да как у тебя язык поворачивается? Поганный твой язык!

Василий, прищурившись, смотрел на нее и гадко улыбался.

— На смерть это рубашка моя! Понял? На смерть.

Она наскоро сложила рубаху и спрятала в комод. Василий сквасил рожу, мол «вот так я тебе и поверил», и кивал вытянутой головой.

— А теперь иди. Иди из моей комнаты! — она указала пальцем на дверь.

Василий не сию секунду, но все же встал и прошуршал к выходу, а на пороге оглянулся и бросил через плечо:

— Вешаться. В баню.

— Баню не погань. Это Николая баня. Он ее строил.

Плотно закрыв за супружником дверь, Марфа Васильевна рухнула на кровать, и в голос, как когда-то в детстве и однажды на похоронах мужа, заревела.

Всю ночь сердце в груди Марфы Васильевны трепетало, аритмично стучало. И валокордин не спасал уже. Не спалось. Только к рассвету она задремала, но вскоре очнулась от утренних песен Василия.

Наскоро собравшись и не позавтракав, Марфа Васильевна вышла из дому, толком не решив, куда отправится: «Куда глаза глядят! Лишь бы с глаз долой! Хоть на чуть-чуть». Глаза глядели в город. Чтобы в шуме суетных улиц забыться, отвлечься от наболевшего. Можно было пойти к соседке, да время раннее гостей не жалует. И перемалывать ту же муку ей не хотелось.

День расцветал хороший, осенний, ясный. Ни о чем не хочется думать в такие дни — только смотреть и дышать. И Марфе Васильевне было знакомо такое чувство. Она знала целебное свойство воздуха сухой осени и старалась вдохнуть его глубже. И душа просветлялась.

В такой же прелестный день много лет назад появился на свет ее первенец — Санечка, который в определенную пору возмужал и уехал далеко на Север, откуда редко слал письма, да приезжал в два года раз. А теперь и того реже. Дочка Манечка бывала в отчем доме чаще, но и ее давно не видала. Марфа Васильевна вздохнула, и свет отступил от души. «Ах, кабы помоложе, собралась бы, да поехала сама, — думала Марфа Васильевна, глядя на плывущие за окном автобуса дали, — да куда мне! И Василька не оставишь — спалит дом». «Ой-ой-оюшкий-ой-ой», — получилось у нее вслух.

Городской автовокзал напомнил Марфе Васильевне, как явился здесь несколько лет назад ей призрак мужа Николая. И неизвестно почему стало ей совестно. Побрела она по знакомым улицам и все вспоминала, вспоминала, вспоминала.

Прикупила продуктов на рынке, поглазела на строящийся парк. Домой не хотелось, как не хотелось уже давно, но с усталостью не поспоришь, а возраста не отнимешь — поплелась обратно. Недалеко от автовокзала Марфа Васильевна остановилась, вспомнив о лавке рукодельницы, где некогда приобрела рубашку, положенную на смерть. Лавки не было — весь этаж здания

занимал магазин с бытовыми товарами. Зашла внутрь и растерялась от обилия всякой всячины. Как ошпаренная выскочила она на улицу, постеснявшись даже взглянуть, что там да как. «Ритуальные» напротив тоже пропали – пустые окна смотрели на нее.

Солнце спускалось в печную трубу, когда Марфа Васильевна оказалась у своего дома. Свет не горел. «Не случилось ли чего», – забеспокоилась она, и заспешила, как могла. Ноги гудели – «натопталась» за день. Ей показалось, что-то мелькнуло в окне. Дверь была не заперта, а в доме сумрачно и тихо, только соседский кот подбирал объедки с кухонного стола. «А ну, чертяка!» – хлопнула хозяйка по боку и «чертяка» шмыгнул в подпол.

Не выпуская из руки сумки, Марфа Васильевна пошелестела в комнаты. И в проходной, и в «Васькиной» было пусто, только разбросаны кое-какие вещи. Отправилась в свою, дальнюю. Остановилась у двери, прежде чем войти – сердце билось-стучало, дышалось тяжело – страх напал. Постояла и вошла.

В синеватом свете догоревшего почти уже дня, на аккуратно прибранной утробе, а теперь взъерошенной, постели покойно лежало тонкое белое человеческое тело. На лоб лежащего сползала мрачная вечерняя тень. «Бог ты мой!» – вырвалось у Марфы Васильевны, и она закрыла глаза свободной рукой, в другой она, не зная зачем, все еще держала сумку с продуктами. Когда Марфа Васильевна убрала руку от лица и посмотрела в сторону кровати, картина была та же – лежащий оставался недвижим, только тень дошла уже до его подбородка, совсем поглотила голову.

Марфа Васильевна вслушалась, дыхания слышно не было. Она поставила, наконец, сумку к ногам и дрожащими пальцами нащупала выключатель рядом на стене. От яркого света в глазах Марфы Васильевны помутилось. Она зажмурилась, замотала головой. Несколько мгновений, и очертания комнаты стали проясняться вместе с очертаниями лежащего. Марфа Васильевна стала вглядываться в его профиль. Это был профиль Василия, только бледный как стена, и напряженный. Такие же напряженные жилы на шее и руки в кулаках. Застонало внутри у Марфы Васильевны, закачала она головой: «Ай-ай-ай».

В ту же секунду на лице покойного стала расплываться улыбка. Еще немного, и она превратилась в оскал. Он повернул голову к застывшей у двери Марфе Васильевне, оставляя тело недвижимым. Женщина попятилась назад. «Ай! Ай! Ох!» — теперь уже вскрикивала она. Тогда Василий вскочил, и стоя на коленях на постели, завращал плечами, закрутил влево и вправо всей своей верхней половиной туловища. Потом уже стал на ноги и пустился в пляс. «Н-на! Н-на!» — вытягивал он при этом.

Марфа Васильевна прислонилась к стеночке и тихо плакала, а Василий продолжал свой дикий танец и вопил во весь голос, сверкая голыми пятками из-под кальсон. Белым парусом надувалась на нем рубашка, рубашка Марфы Васильевны, так долго хранимая ею в комод.

Потом взбесившийся Василий спрыгнул на пол и заплясал уже подле Марфы. «Н-на, н-на-н-на! Лубоф!» — хрипел он, брызгая слюной и стрясая с реденькой бороденки муку. Драл на себе рубаху: «Н-на тебе! Н-на!» По полу раскатились продукты из опрокинутой им сумки. Марфа Васильевна плакала, потом ей захотелось смеяться — она смеялась и плакала, качая головой и закусив кулак. Только боль все нарастала в ее груди.